

минимизации политических конфликтов, помогает использовать политический потенциал всего общества, поддерживать стабильные отношения между элитарными слоями и гражданами. Следует отметить, что здоровый государственный консерватизм, помноженный на гражданский консенсус, – это та ценность, приоритет которой способен снизить уровень амбивалентности взаимоотношений общества и власти в современной России и способствовать демократизации ее политического режима.

Примечания

- 1 См.: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн-версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-1242.htm> (дата обращения: 23.05.2011); *Овчаренко В. И.* Амбивалентность. URL: <http://www.slovopedia.com/6/192/770127.html> (дата обращения: 23.05.2011); *Петровский. А. В.* Амбивалентность // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 23.05.2011).
- 2 *Яковлев А. Н.* Реформация в России // *Общественные науки и современность.* 2005. № 2. С. 8.
- 3 См.: Амбивалентность в политике. URL: <http://political-party.ru/slovar/43-a/292-ambivalentnost-v-politike> (дата

обращения: 21.10.2011); *Красин Ю. А.* Российская демократия: коридор возможностей // *Полис.* 2004. № 6. С. 125.

- 4 См.: *Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России : курс лекций : в 3 ч. СПб., 2008.
- 5 См.: *Шевцова Л. Ф.* Смена Режима или Системы? // *Полис.* 2004. № 1. С. 47.
- 6 См.: *Гуторов В. А.* Современная российская идеология как система и политическая реальность. Методологические аспекты // *Полис.* 2001. № 3. С. 80; *Соловьев А. И.* Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // *Полис.* 2004. № 6. С. 105; *Шестопал Е. Б.* Авторитарный запрос на демократию, или Почему в России не растут апельсины // *Полис.* 2004. № 1. С. 28; *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 13.
- 7 См.: *Шестов Н. И.* Идея единства страны и реформа российской политической системы // *Полис.* 2004. № 6. С. 112.
- 8 См.: *О’Доннелл Г.* Следует ли слушаться экономистов? URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm (дата обращения: 14.05.2011).
- 9 См.: *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России : учеб. пособие. М., 2009. С. 197.
- 10 См.: *Федотов Г. П.* Россия и свобода // *Судьба и грехи России* : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 284.

УДК 316.74:9+9(470)+929

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (по работам С. Б. Веселовского)

В. А. Климов

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социальные аспекты генеалогического исследования на материале трудов академика С. Б. Веселовского (1876–1952). Особое внимание уделяется проблемам социального статуса личности и социальной мобильности в феодальном обществе.

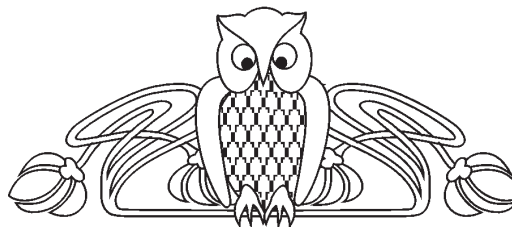
Ключевые слова: генеалогия, историческая социология, феодальное общество, социальная мобильность.

Social Aspects of Genealogical Research (Based on S. B. Veselovsky's Works)

V. A. Klimov

The article deals with the social aspects of genealogical research based on the works by S.B. Veselovsky (1876–1952). The special emphasis is placed on the social status of a person and social mobility in feudal society.

Key words: genealogy, historical sociology, feudal society, social mobility.

Когда речь идёт о генеалогии, обычно имеют в виду сбор и систематизацию сведений о происхождении и родственных связях семей, родов, династий, составление родословных таблиц и росписей. Занятие кропотливое, требующее усидчивости, терпения, аккуратности, но, в общем-то, малоинтересное. Так считают многие. Но когда за это дело берется опытный, вдумчивый и по-настоящему талантливый человек, оно может превратиться в творческий поиск, открывающий много нового и ранее неизвестного в пестром калейдоскопе исторических событий.

Именно таким исследователем был Степан Борисович Веселовский (1876–1952). На первый взгляд в его биографии нет ничего необычного, поражающего наше воображение, хотя он жил в бурный, богатый событиями, драматичный исторический период. Большую часть жизни провел в «пыли архивов», за письменным сто-

лом в своем домашнем кабинете, в общении с немногими друзьями и учениками. «У него был свой, сложившийся годами, устойчивый ритм работы, – вспоминал хорошо знавший Веселовского академик Л. В. Черепнин. – Он работал изо дня в день, с утра и до позднего вечера, размеренно и четко, с небольшими интервалами для отдыха, умея не растрчивать даром время. Терпеть не мог заседательской суеты и, избегая ее, сохранил для науки много часов»¹. Его архивное и домашнее уединение, репутация «немарксиста» ставили его в положение чуть ли не внутреннего эмигранта. «Красные профессора» обычно смотрели на Веселовского как на неисправимого «старого спеца», так и не преодолевшего груза «старой историографии»².

Уникальность творчества этого «специалиста старой школы» состояла в том, что в трудные для отечественной историографии годы сталинского режима Веселовский фактически остался единственным ученым, занимавшимся глубокими и масштабными генеалогическими исследованиями. Генеалогия в тот период была в числе отвергнутых и полузабытых научных дисциплин, многие считали, что эта ненужная для «рабоче-крестьянского» государства «дворянская наука» вообще обречена на постепенное умирание. Веселовский с его «старомодными взглядами» на значение генеалогии казался «белой вороной» в той научной среде, которая формировалась под влиянием идеологических установок партийного руководства.

Конечно, Веселовский занимался не только генеалогией. Диапазон его научных интересов весьма широк. Он – крупнейший специалист по социально-экономической и политической истории России XIV – нач. XVII в. Достаточно назвать такие его публикации, как «Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» (т. 1–2, 1915–1916), «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (1926), «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVII вв.» (1936), «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси» (1947), «Исследования по истории опричнины» (1963). Построенные на обширном архивном материале, эти труды по праву считаются выдающимся достижением российской историографии, они вошли в золотой фонд отечественной науки. В системе исторических построений Веселовского генеалогические изыскания занимают почетное место. Это определялось рядом объективных причин.

Прежде всего нужно учитывать, что одной из центральных задач, которые Веселовский поставил перед собой еще в начале своей научной деятельности, было исследование «происхождения, состава и социальной природы класса служилых землевладельцев». И это не случайно. Он считал, что именно этот класс сыграл решающую роль в процессе становления нового государственного образования, возникшего на месте разоб-

щенных и враждующих между собой княжеств Северо-Восточной Руси, то есть Московского государства. Борьба с Тверским княжеством, жестокая междоусобица второй четверти XV в. были тяжелым испытанием не только для власти московских великих князей, но и для всего класса феодалов. «При такой длительной смуте никто не мог остаться в стороне, все так или иначе, одни в большей, другие в меньшей степени были втянуты в борьбу князей между собой... Интересы служилого класса, в особенности боярства, были настолько тесно связаны с интересами князей, что ему, так же как и князьям, история поставила вопрос: быть ли Великороссии единым государством или по-прежнему делиться на уделы и страдать от этого; на чью сторону стать и что делать? И если в результате борьбы победа осталась за Московским великим княжением, за принципом государственного единства, то это объясняется не столько политикой великокняжеской власти, сколько интересами и сознательностью боярства и всего служилого класса. Правда, что в этой борьбе, как и во всякой, некоторые лица преследовали свои личные цели, другие с самого начала признавали интересы своего класса, но в общем после непродолжительных колебаний линия поведения определилась и определила исход борьбы»³. Опираясь прежде всего на служилый класс, Иван III впервые смог назвать себя государем «всёя Руси», а его внук Иван IV принял царский титул.

Изучая социальную природу класса служилых землевладельцев, Веселовский пришел к важному методологическому выводу: не лица и не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс. «Родовое строение, родовые традиции и весь уклад жизни, – пишет он, – представлялись мне как явление перво-степенной важности, как одна из характерных черт класса в XIV–XV вв.»⁴. Отсюда вытекает необходимость реконструкции и анализа генеалогической истории отдельных родов, путей и форм их генезиса, взаимодействия друг с другом, что позволяет показать роль каждого из них в общественно-политической жизни. На основе скрупулезного анализа и сравнения архивных документов, летописей, родословных книг Веселовский составил 47 очерков («монографий») о наиболее выдающихся служилых родах, активно действовавших на исторической арене в обозначенный выше период (из них 28 опубликованы уже после смерти историка). Важно отметить, что исследователь не только рассматривает родственные связи феодалов, но и также стремится выяснить размеры и расположение их владений, формы вознаграждения за службу (кормленья и поместья), продвижение по служебной лестнице и другие факты, характеризующие их социальный статус и его изменение.

Умело сочетая различные аспекты исследования, Веселовский, по сути дела, применяет социологический подход, позволяющий воссоздать

целостную и объективную картину изучаемого им общественного прогресса. Судьбы отдельных родов сливаются с общей бурной и драматической историей становления централизованного государства. Анализируя структуру, роль и функции класса служилых землевладельцев в контексте социального целого, Веселовский, на наш взгляд, продолжает линию исторической социологии, намеченную еще великим русским историком В. О. Ключевским. Предметом исторической социологии Ключевский считал «историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправления их отдельных органов, – словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие...»⁵. Эти задачи и решает Веселовский на конкретном генеалогическом материале, раскрывая особенности структуры и исторической эволюции класса служилых землевладельцев.

Собирая и анализируя все доступные факты, устанавливая их достоверность и репрезентативность, Веселовский стремился составить объективное представление о конкретной исторической эпохе во всем ее своеобразии и неповторимости. Таким образом, он выполнял миссию историка, раскрывающего уникальность каждого отдельно взятого момента в развитии общества. Однако в его трудах можно найти и ряд общезначимых выводов, важных с точки зрения исторической социологии. Они способствуют сравнительно-историческому и типологическому анализу различных этапов эволюции конкретного общественного организма.

Так, на примере служилых людей Московской Руси Веселовский показывает роль и место личности в традиционном обществе. В Московской Руси место человека на служебной лестнице определялось не одними его личностными качествами и не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с его родовой, то есть служебным уровнем его «родителей», родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков – отца, деда и т. д., – по главной и ближайшим боковым линиям. «Люди Московской Руси ценили в человеке более семейные, родовые и сословные добродетели, чем яркую индивидуальность. Карьеристы (в лучшем смысле слова), “самовыдвиженцы”, если можно так выразиться, не находили у книжников и современников вообще ни сочувствия, ни даже правдивого изображения»⁶.

Тем не менее очень многое зависело от личных качеств служилого человека, от его усердия, настойчивости, стойкости, чувства долга. По неспособности, нерадивости, отмечает Веселовский, человек мог потерять свое «место» или, как тогда говорили, свою «честь». «Понятие служебной чести (в указанном выше смысле) порождало идею связи и преемственности поколений. Дружинник, служа князю и отдавая ему свой труд, а иногда и жизнь, проходил жизненный путь с мыслью, что его верность присяге и рательная служба принесут пользу и все возможные блага жизни не только ему

самому, но и его семье и дальнейшим поколениям его рода, а нерадивость и тем более измена навлекут опалу князя и кары не только на него самого, но и на его потомство». Таким образом, вступающий в жизнь молодой человек из служилой семьи должен был понимать свою ответственность и перед своим сувереном, и перед родом, проявлять такие качества, как исполнительность, верность, а в некоторых ситуациях – инициативность. «Служебная родовитость, – подчеркивает Веселовский, – вовсе не обеспечивала всякому бездельнику выгодного служебного положения, она открывала ему жизненные пути, но как он использует эту “путевку в жизнь” – это зависело от него самого»⁷.

В работах Веселовского можно найти немало интересных наблюдений и выводов о механизмах и способах вертикальной и горизонтальной социальной мобильности в условиях феодально-сословного строя. Сословные границы в этом обществе были довольно жесткими, но, тем не менее, возможности для продвижения индивидов или целых родов в вертикальном направлении (вверх или вниз) были довольно значительны. Под вертикальной социальной мобильностью (по П. А. Сорокину) обычно подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивидов или социальных групп из одного социального слоя (группы, страты) в другой. В зависимости от направления выделяют два вида вертикальной мобильности: восходящую и нисходящую⁸. В Московской Руси, как отмечал Веселовский, во всех княжеских и боярских родах были семьи и целые отрасли родов, которые «закоснели» в низах служебной иерархии и потеряли свое «место». Разумеется, тогда, как и во все времена, было немало «худородных» честолюбивцев, стремившихся пробиться «наверх» любой ценой.

Тогдашние обычаи вовсе не закрывали таким людям пути и возможности подъема по служебной лестнице, но требовали, чтобы возвышение происходило постепенно, с учетом служебных интересов других, честно добившихся своего положения лиц и родов. «Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская дружина была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей <...> Местнический распорядок родов и лиц ... ограничивал княжеский произвол, но важно отметить, что одновременно он обуздывал и дисциплинировал дружинника. Люди нашего средневековья не верили в исключительные таланты и не ценили их. Да это и понятно, так как тогдашняя служба требовала от человека не исключительной талантливости и ярко выраженной индивидуальности, а знаний и навыков в ратном деле, выносливости и мужества, доступных рядовому служилому человеку. Поэтому они не любили ни княжеских выдвинутых, ни тем более чересчур энергичных самовыдвиженцев. Только такое продвижение по службе считалось нормальным,

которое происходило постепенно, с прохождением всех чинов и “мест” и с соблюдением законных интересов соседей по службе»⁹.

Однако этот нормальный порядок все чаще нарушался по мере того как расшатывалась и деградировала система местничества, которая сложилась и успешно функционировала в XIV–XV вв. Особенно часто это происходило в условиях деспотического режима Ивана Грозного, который имел обыкновение «перебирать людишек», казнить и возвышать их по своему произволу, без оглядки на традиционные отношения между сувереном и вассалами. За это, в частности, и осуждал его в своих знаменитых посланиях князь-публицист Андрей Курбский.

«Опалы царя Ивана, – пишет Веселовский, – уничтожили множество крупных лиц и целые отрасли служилых родов. Это открывало путь к возвышению захудалым фамилиям, которые на протяжении нескольких поколений коснели в низах служебной иерархии. Таким фамилиям при возвышении приходилось, однако, энергично бороться за места и восстановление чести своего рода»¹⁰. При царе Иване не только честолюбивые выходцы из захудалых родов и люди вообще без родословной, но даже представители знатных старых родов порой «не удерживались от соблазна быстро сделать карьеру путем отказа от личного достоинства и безоговорочного угодничества. В огромном большинстве случаев успех на этом пути и царские милости быстро кончались опалой и даже насильственной смертью»¹¹. Исследователь, который пытается разобраться в запутанном клубке истории опричнины и судьбах людей, попавших в ее кровавый водоворот, обязательно должен иметь представление об их происхождении и родственных связях. «Без основательного знания родословия всех тех лиц, которые, как в вихре, крутились вокруг Ивана Грозного в несколько лет опричнины, а также несколько лет до нее и несколько лет после нее, совершенно невозможно понять события, связанные с этим вопросом. Только внимательное изучение генеалогии позволяет вскрыть все значение этих фактов»¹².

Случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий, как указывал Сорокин, «привычны и понятны». Карьеристы-одиночки, самовыдвиженцы с авантюрными наклонностями известны во все времена и у всех народов. С. Б. Веселовский исследует более сложные формы вертикальной мобильности, когда целый род или клан продвигается вверх по лестнице социальной иерархии, а точнее, когда один представитель рода, который отличается особыми талантами или энергией или которому просто повезло, «тащит» за собой своих родичей, помогая им достичь вершин власти, а затем использует их поддержку, укрепляя свое положение и положение всего своего клана. Типичный пример – возвышение рода Годуновых. В XV–XVI вв. этот сплоченный род медленно, но

неуклонно продвигается по ступеням служебной лестницы, становясь все более влиятельным и известным, его члены исправно и честно служат, крепко держатся за свои костромские вотчины, преумножая состояние и полезные родственные связи. Одному из них, Борису Федоровичу Годунову, невероятно повезло: сначала он стал зятем всеильного главы опричников Малоты Скуратова, затем его сестра Ирина сделалась женой царевича, а впоследствии царя Федора Иоановича. Как известно, при царе Федоре он становится, по сути дела, правителем государства.

Существенно важно то, что Борис Годунов не просто удачливый выскочка, фаворит-одиночка. Тщательно исследуя генеалогические и иные документы, Веселовский показывает, как Годунов – сначала всеильный временщик, потом царь – заботится о продвижении своих родственников: более десятка из них попадают в высший орган власти – Боярскую думу. «В истории Боярской думы это было совершенно небывалым явлением. Царь Борис не только не боялся соперничества своих сородичей, как это часто бывало, но, очевидно, был уверен в их родовой дисциплинированности и неизменной поддержке не за страх, а за совесть». Успех сопутствовал Годуновым потому, что они делали карьеру «умнее других соратников царя Ивана, а главное – продвигаются не в одиночку, а дружной фалангой»¹³.

Родовая дисциплина и солидарность, по мнению Веселовского, имели огромное значение в условиях политических интриг и борьбы за власть, которыми полна история того времени. Династические, родственные связи всегда выступали мощным фактором в этой борьбе, но «суть вопроса в том, что княжата и боярство были способны в то время только к образованию партий и временных коалиций и одни лишь Годуновы и Захарьины-Кошкины вступили в борьбу сплоченными родами, сумевшими сохранить на протяжении трех веков родовую дисциплину и верность родовым традициям»¹⁴.

Однако названным выше родам довелось пережить не только взлет, но и падение (то, что социологи называют «нисходящей вертикальной мобильностью»). П. А. Сорокин выделял два ее вида: индивидуальную и групповую. «В первом случае “падение” напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором – погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги»¹⁵. Подобную катастрофу пережил род Захарьиных-Юрьевых (Романовых), подвергшийся жестокому репрессиям при царе Борисе (среди немногих уцелевших был Михаил Федорович, будущий царь). Род Годуновых также потерпел крушение в 1605 г., пришел в упадок и угас в начале XVIII века.

Таким образом, генеалогическое исследование, образцы которого дал Веселовский, помогает раскрыть движущие силы и факторы социальной динамики, мотивы поведения действующих лиц

на исторической арене. Модели социальной структуры и социальной мобильности, созданные социологами, наполняются полноценным жизненным содержанием. Это уже не сухие схемы, а живые исторические картины с избытком подробностей, деталей, нюансов. Но к чему это дотошное выискивание, казалось бы, незначительных подробностей? На этот вопрос можно ответить словами историка и философа А. В. Гулыги: «Люди должны знать свое прошлое во всей полноте, во всех деталях. Это своего рода категорический императив, заставляющий ученого копаться в архивах, художника вживаться в эпоху, подыскивая для ее воспроизведения выразительную форму, любителя древностей собирать их <...> Радость историка – знание правды, “подправленная” история не может служить целям воспитания и культуры, скорее это путь к духовному растлению личности, к цинизму и лицемерию»¹⁶. В деятельности Веселовского мы видим образец ученого, всегда честного перед собой и перед наукой. Он шел по избранному пути без оглядки на идеологические авторитеты, с чувством высокой ответственности перед будущими поколениями.

Огромной заслугой ученого явилось сохранение и продолжение традиции генеалогических исследований, начало которой было положено Н. М. Карамзиным, П. М. Строевым, А. П. и Н. П. Барсуковыми, Н. П. Лихачевым, Ю. В. Арсеньевым, Н. В. Мятлевым, Л. М. Савёловым, В. Л. Модзалевским и другими корифеями отечественной науки. Если бы не усилия таких энтузиастов, как академик Веселовский, эта традиция могла бы заглохнуть в те трудные для исторической науки годы. Труд С. Б. Веселовского не пропал даром, его наследие не осталось достоянием лишь узких специалистов. Проведенные ученым

масштабные исследования в области источниковедения, разработанные им методические подходы подготовили почву для возрождения и развития новых направлений генеалогии в нашей стране. Эти исследования создают и новые возможности для социальных исследований, способствующих более глубокому пониманию прошлого и осмыслению проблем современного общества.

Примечания

- ¹ Черепнин Л. В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 39.
- ² См.: Дубинская Л. Г. Ученый и его наука в письмах // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 11.
- ³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 509.
- ⁴ Там же. С. 7–8.
- ⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 15.
- ⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории... С. 335.
- ⁷ Там же. С. 474.
- ⁸ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 374.
- ⁹ Веселовский С. Б. Там же. С. 475.
- ¹⁰ Там же. С. 103.
- ¹¹ Там же. С. 194.
- ¹² Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 210.
- ¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории... С. 195.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 374.
- ¹⁶ Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 32–33.

УДК 316.334:616.89

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ФЕНОМЕНА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Т. Н. Ильина¹, И. Л. Кром², И. Ю. Новичкова³

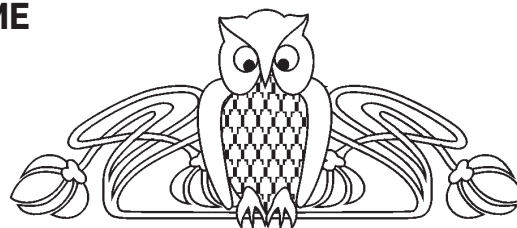
¹Саратовский государственный медицинский университет

²Центр медико-социологических исследований, г. Саратов

³Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: KromIL@km.ru

В статье качество жизни, релевантное здоровью, рассматривается как оценочная категория состояния субъекта в ситуации болезни, характеризующая параметры всех составляющих его жизни, представлены подходы к оценке качества жизни. Приводятся результаты авторского исследования качества жизни пациентов, страдающих болезнями системы кровообращения.

Ключевые слова: качество жизни, болезни системы кровообращения, опросник ВОЗ КЖ-100.

Medico-Social Explanation of Life Quality Phenomenon

T. N. Ilyina, I. L. Krom, I. U. Novichkova

The article life quality, relevant to health considers an estimated category of subject's state in illness situation, characterizing parameters of all components of his life. Approaches to an estimation of life quality are also described. The results of author's